

АЛЕКС НОРК

ЛЬЕТСЯ
С КЛЕНОВ
ЛИСТЬЕВ МЕДЬ

Драма

Алекс Норк

Льется с кленов листьев медь

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6222771

Аннотация

Действие происходит в сумасшедшем доме. Тем не менее, характер произведения реалистичен и в некоторой своей части документален. Действующие лица: дежурный медбрат; пациенты: Иуда; Князь тьмы; Пушкин-Дантес (двойное шизофреническое присутствие).

Алекс Норк

Льется с кленов листьев медь

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Посвящается великому русскому артисту
Юрию Богатыреву*

Комната, похожая на больничную палату. Три постели; куда-то окно; дверь в туалетную комнату.

Двое мужчин.

1-й (с полотенцем на шее). Доброе, утро. Как поспалось?

2-й. Скверно. А впрочем... поначалу будто и хорошо – привиделись просторы наши – луга с лесами наперемешку. Зелень... как не видел я больше в другой природе – мир написан одною зеленою краской, но столько у нее оттенков, что и не надобно другой никакой.

1-й. От слов ваших мелькнуло в воображении. Там ближе к северу ведь?

2-й. Уж и север почти.

1-й. Лишайник попадается?

2-й. Да, самый растительный долгожитель. Глядишь на него – утягивает в глубину времен... даже где самих времен еще нет, где начиналось всё только – коснешься вдруг самого что ни на есть начала! К вам ощущение такое не приходило?

1-й. Не-ет, в другую, скорее, сторону: что все когда-то было, что во многих раз повторяется.

2-й. (Разочаровано). А не скучно ли?

1-й. Случается. (Оба смеются). Все-же не так плохо ночь на новом месте прошла?

2-й. Под утро стал урывками спать с дурным чувством, что просыпаться не к чему. Назад в сон стремлюсь, да выходит совсем ненадолго...

1-й. От нового места. С непривычки и беспокойство.

2-й. Нет, знакомо оно. В последние полтора, этак, года себя обнаружило – что вот бы не просыпаться.

1-й. Что в этот мир не надо уже?

2-й. Да, точно очень.

1-й. Тревожное состояние, называется. Пройдет, здесь спокойно у нас.

Второй человек смотрит исподлобья слегка, с недоверием.

2-й. Дай-то Бог.

Берет полотенце, щетку зубную в футляре.

1-й. Там паста хорошая прямо на полочке. Ее много, вы пользуйтесь.

2-й. Благодарю за приятное одолжение. Вы хороший товарищ.

1-й. (Вдруг занервничав). Пустяки-пустяки, не стоит, тут нет ничего.

Второй уходит.

Пауза небольшая, входит санитар Ваня.

– А где... который?

1-й. В туалетной комнате.

Ваня. И как у вас с ним? Научились отличать?

1-й. Легко совсем. Жаловался – под утро сон был прерывистый, беспокойный.

Ваня. (Вынимает блокнотик, делает быстро запись). Сон нормализуем. ... А нынче вам в компанию третий поступит.

1-й. Кто таков?

Ваня. Неизвестно. Вот выведайте у него, и в понедельник доктору скажем.

1-й. (Улыбается, кивает слегка головой). Вань, я всё хотел спросить – ты почему такую работу выбрал?

Ваня. Старшим санитаром? (Садится, на стул задом наперед). Я почти два курса медицинского закончил.

1-й. Вон как! А спорт этот велосипедный, у тебя, значит, попутным был?

Ваня. То и плохо, что вышел на первое место. Шанс появился попасть на всемирную универсиаду. На «отборочных» я в тройку легко попадал. Ну и пришел бы себе вторым-третьим.

1-й. Хватало?

Ваня. Вполне. Да кураж появился, чувствую – больше могу, тут виражик подвел... а скорость за пятьдесят... Думали сначала рука, потом, оказалось – отек правой стволовой части мозга.

1-й. Операцию делали?

Ваня. Да, но запоминание стало для учебы негодное. Сейчас, хотя, восстанавливается. Только уже никакого спорта. Стипендия по спорту тоже – тью-тью. И сразу никому стал не нужен.

1-й. А родители?

Ваня. Мать в автокатастрофе погибла, когда мне было четыре года. Отец давно женат вторым браком. В квартире тесновато, я и так проживал больше не с ними, а в общежитии. А теперь двоюродная бабка меня к себе забрала.

1-й. С ней и живешь?

Ваня. С ней.

1-й. И ничего?.. Материально?

Ваня. Хорошо даже, можно сказать. Ну, по сравнению. У нее пенсия не такая уж маленькая. Я здесь за выходные дежурства еще полставки имею. Питаюсь.

1-й. Тоже сейчас не пустяк.

Ваня. И спокойно. В нашем отделении не буйные какие-нибудь.

Дверь из туалетной комнаты широко растворяется, появляется человек; от того – сгорбленного и понурого – нет сле-

да; этот – с улыбкой веселой, блеск в подвижных глазах.

2-й. Ваня, здравствуйте, друг мой!

Подходит быстро, пожимает вставшему навстречу руку.

Ваня. Как спали, э, Жорж?

1-й одобрительно ему кивает.

Жорж. Спасибо, друг мой, спал хорошо. Под утро, правда, от нового, должно быть, места, беспокойство явилось некоторое.

1-й. Жорж рассказывал мне вчера перед сном про их кавалергардский полк, забавного очень много.

Жорж. Заболтал вас. Но воспоминания всегда начинаются с пустяка, да позволь, дай им щелочку, хлынут таким потоком, что возможности нет совладать. (Хлопает Ваню по плечу). А из вас отличный бы вышел кавалергард – рост, статность... и глаза у вас, друг мой, умные.

Ваня. Ну уж...

1-й. Два года в медицинском отучился, да спортивная травма серьезная подвела.

Жорж. О, не унывайте, мой друг! Скольких офицеров я знал с раненьями в войнах, иные едва выжили, да выжили и выправились потом. Не унывайте, кавалергард! Цель ставьте и дорога откроется. Я вот, выброшенный отовсюду, и обреченный заботиться уже о семье, понял вдруг: опускает голову человек – и нет скоро его. Наоборот следует: превзойти себя. Превзойти, чтобы стать собою самим!

Ваня. Превзойти себя, чтобы собою стать?

Жорж. Именно. Иначе и не поймешь никогда – кто ты.

1-й. Неплохо замечено.

Жорж. Уж верно, не мною первым.

1-й. Замечено очень немногими, а выполнено почти что никем. Хотя вот вам удалось.

Жорж вдруг задумывается...

Ваня. А ведь на завтрак уже пора. Отправляйтесь, господа.

Жорж. (На лице снова улыбка). На завтрак? И очень кстати! Ужин, помнится, вчерашний нехитрым был, но для пищеваренья здоровым. (Берет коллегу за плечи). Идемте, мой друг.

Комната перед палатой.

Входят из коридора, уходящего в глубину сцены, Ваня и человек лет сорока пяти – высокого роста, худощавый.

Ваня, показывая на дверь в палату: Там ваша диван-кровать, тумбочка, а здесь и холодная вода, и кипяток – если чая попить, в шкафчике чай – черный, зеленый, сахар... Я до утра понедельника тут на дежурстве, обращайтесь по любому поводу. Зовут меня Иван. А к вам как обращаться?

Человек. Да как угодно. ... Меня по-разному называли. А собственного имени, сколько себя помню, и не было.

Ваня. А в детстве?

Человек. (Вздрагивает и смотрит несколько секунд удивленно). Как интересно ты спросил.

Ваня. Что же особенного?

Человек. (Оживленно, всё с тем же легким удивлением; смотрит в сторону уже не на Ивана). Мне почему-то в голову не приходила тема эта – про детство. (Пауза. И с недобрым теперь выражением). Нет, придумать же надо, чтобы вообще не было детства!

Ваня. Я, извините, вас недопонял – тяжелые очень годы? Или вы их совсем не помните?

Человек. Да что же помнить, если вовсе их не было. (Хлопает в ладоши). Ну, гениально! Нет детства – нет человека, ха!

Ваня. (Обеспокоенно). Не волнуйтесь, пожалуйста. У нас отличный зав. отделением. Всё вспомните – и детство, и имя.

Человек. (Уже спокойно и равнодушно). Ах имя... имя... Зови меня, Ваня, «князь». Если тебе это не претит, разумеется.

Ваня. (Улыбается). Не претит совсем.

Человек. Ну и славно.

Ваня. А сейчас завтрак, как раз. Сходите-покушайте.

Человек. Спасибо, есть не хочу. А чая бы выпил.

Ваня. Отлично, и я с вами попою.

Быстро достает чашки из шкафа, спрашивает за спину:
– Вам черный или зеленый?

Человек. По утреннему времени лучше черный.

Ваня проворно кладет на стол сахарницу, пакетики в чашки, заливает в них кипяток.

– Прошу.

Где-то в глубине пробуют гитару и голос, раздаётся пение приятным высоким баритоном:

*Поговори хоть ты со мной,
Подруга семиструнная.
Душа полна такой тоской,
А ночь такая лунная.*

Человек. Это кто?

Ваня. Цыган. То есть по жизни он бухгалтер. Вы потом в столовой увидите – толстый такой в очках.

*Вот там звезда одна горит
Так ярко и мучительно.
Лучами сердце шевелит,
Дразня его язвительно.*

Убыстряя:

*Чего от сердца нужно ей,
Ведь знает без того она,
Что к ней тоскою долгих лет
Вся жизнь моя прикована.*

Ваня. Говорит, сбежал из табора, не поладил с их цыганским бароном – вор, дескать, бандит.

Человек. Барон?

Ваня. Ну, или генеральный директор компании этой, и

заместитель его. И проверяющая организация.

Человек. От здешней жизни не убежишь. Места тут много, а бежать некуда.

Ваня. (Кивая в неопределенное). Там проще?

Человек. Там интереснее.

Ваня. Чем?

Человек. Есть за что погибать.

Ваня. А здесь разве... войны у нас такие страшные.

Человек. Страшного много, красивого мало. Подвиг, Ваня, бывает от горя, от нужды безысходной, а бывает от счастья стать выше себя самого.

Ваня. Это как, например?

Человек. Примеров много... вот, Себастьян Элькано... (Ваня, качнув головой, показывает – не знает) мелкородовый испанец, как и многие в то время, ищет успеха в войнах, в мореплаваниях... Добился попасть в команду Магеллана.

Ваня. На первое кругосветное? А сам Магеллан ведь убит был где-то туземцами?

Человек. Случилось. И убиты были многие из команды, а кто-то в дороге погиб от болезней... Когда корабль «Виктора» подходил к родным испанским берегам, старшим среди офицеров остался лейтенант Элькано. Плыть совсем немного, им уже палили из пушек с берега, и тогда Элькано велел своим семнадцати товарищам приспустить паруса – не спешить, длить мгновения: «друзья, сейчас мы как Бог творим великое из ничего, а «ничего» это вечность, потом бу-

дут деньги и слава, но сейчас у нас вечность». Чувствуешь, Ваня?

Ваня. Если честно, не до конца.

Человек. А они все разрыдались.

Ваня. Потом их наградили?

Человек. Деньгами? Конечно. А Элькано получил еще самое большое из возможного – Король Испании подарил ему герб – Земной шар с латинской надписью: «Ты первый обогнул меня».

Ваня. Я все-таки понял – главными для него все равно были те последние минуты, да?

Человек улыбается и начинает пить чай маленькими глотками...

Человек. Ну а как тебе здесь с ненормальными?

Ваня. Неплохо. ... Познавательное даже. У нас метод лечения – ничего не скрывать от пациентов. И не считать их ненормальными.

Человек. А чем их считать?

Ваня. Наш зав. отделением диссертацию докторскую пишет – новая категория в психиатрии: «предпочтение другой личности».

Человек хмыкает.

Ваня. Это как бы творческое самопреобразование.

Человек. Так что – не болезнь?

Ваня. Доктор считает, что термин «болезнь» мешает понять суть.

Человек. Ну-да, а которую?

Ваня. Поиск другой судьбы, и проживание в ней. А потребность такая имеет полные личностные права.

Человек опять хмыкает с видом «ни за ни против».

Ваня. Вы все-таки с чем к нам пожаловали?

Человек. У-у, не преувеличу, Иван, сказав, что черт знает с чем.

Входят вернувшиеся с завтрака, Ваня встает:

– Познакомьтесь, ваши соседи.

Вошедшие смотрят на человека, тот на них.

Жорж (Приветливо улыбаясь). Жорж.

Человек. (Сидя нога на ногу). Князь. Если вас не затруднит такое ко мне обращение.

Жорж. Вовсе не затруднит.

1-й. Иуда.

Человек. (Смотрит секунду, садится прямо) То есть, я правильно понимаю...

Иуда. Вы правильно понимаете.

Человек. Любопытная встреча.

Смотрят друг на друга, Жорж в этой паузе чувствует себя неловко, обращается к Человеку:

– Что же вы, князь, пустой чай пьете, там завтрак вполне недурной.

Человек. А пожалуй, что и схожу.

Ваня. (Поощрительно). Да, не поздно еще.

Человек поднимается и уходит.

Иуда улыбается всем, и в воздух, и идет в палату.

Жорж. (В ту сторону). Мне его жаль.

Ваня. Почему?

Жорж. Всё время переживает события те. Отвлечется ненадолго и снова туда к ним уходит.

Ваня. А зачем, вы думаете, он так поступил? Тридцать серебряников не крупная сумма. Тут выступал один историк по телевизору, говорил – за такие деньги можно было купить не более десятка хороших овец.

Жорж. Мы не знаем, как было на самом деле. (Морщит лоб, разговор, похоже, ему неприятен). Возможно, Иуда боялся, что римляне начнут репрессии против евреев, решил – лучше пожертвовать одним ради многих.

Ваня. Я, когда после травмы вылеживался, читал Евангелие – Бабушка приносила. Ничего там, вроде, про репрессии от римлян не сказано, наоборот – Пилат хорошо был настроен.

Жорж. Евангелие эти устанавливались при Императоре Константине, когда римляне обращались массово в христианство. Происходило это, друг мой, через триста лет после Христа. Триста лет (грустнеет очень)... Вот как обо мне стали нелепые сказки рассказывать, и трех лет не прошло.

Ваня. В каком смысле сказки?

Жорж. В том, что я во всех видах злодей – разве забыли придумать, чьих-то денег не крал. (Смотрит в пол, нервно вздыхает). Эко им в голову не пришло!

Ваня. (Торопясь успокоить). Не похожи вы совсем на злодея.

Жорж. (Порывисто). Спасибо, вы искренне сказали! (И снова погружаясь в обиду). Додумались даже, что я на дуэль поддел под мундир кольчугу.

Ваня. Помню, учитель в школе так нам и говорил. Только не очень уверенно. Как гипотезу.

Жорж. Помилуй, ну что за гипотеза. Если у обвиненья нет совести, ум, хотя малый, надо иметь. Где ж в Петербурге найти за два дня кольчугу, разве из музея украсть? Да и как бы вышло удержать такое в секрете?

Ваня. Правда. Ха, я еще сейчас знаете что представил? Вот он первый бы выстрелил и попал. Вышло б: стоит человек с дыркой в мундире, еще от удара пули бы качнуло...

Жорж. Непременно.

Ваня. И стоит невредимый.

Жорж. Позор хуже смерти, – сразу и застрелиться. Как полагаете, друг мой, отчего одни люди измышляют грязное, другие же никогда такого не сделают?

Ваня выжидательно смотрит.

Жорж. Оттого, что первые могут представить себя совершающими подобное, а вторые не могут – им и фантазия о таком невдомек.

Ваня. (Радостно). Верно!

Жорж. А еще придумали, что я относился к произошедшему, как счастливому повороту судьбы.

Ваня. (Не уверенно, что стоит задавать этот вопрос). А дальше как было?

Жорж. Жену через семь лет потерял.

Ваня. Это во Франции уже?

Жорж. Да, меня почти сразу выслали.

Ваня. И не женились больше?

Жорж. (Отрицательно качает головой). Потом другая кара Господня. Одна из дочерей моих – Леони – ненавистью стала ко мне проникаться. Почти уже с детских лет.

Ваня. А по какой причине?

Жорж. Не могу объяснить. Видно, Господь так назначил. Я не меньше ее любил, не меньше внимания уделял. Как-то прознала она про ту дуэль... Русские корни ее завораживали, рано начала учить русский язык и, по способностям своим огромным, одолела его до полноценного понимания. Выговаривала, правда, смешно. Да... а меня в глаза убийцею называла. Мог ли я радоваться таким обстоятельствам жизни?

Ваня. Как потом она, дочка ваша, не одумалась?

Жорж отрицательно качает головой. (После паузы). Умерла в сумасшедшем доме.

Ваня. Вот тебе...

Жорж. Извините, что подверг невеселой истории из жизни своей. Пойду прилягу, сон под утро был беспокойный. Картинки из прошлого: холодно, я на крыльцо выбежал – проводить. Отношения находились еще совсем неиспорчен-

НЫМИ.

(Входит Человек)

Бал кончался у Трубецких. Пушкины на снях уже отъехали. У нее сзади был виден только капор меховой, а он повернулся ко мне и зубы скалил, и взгляд как у зверя, который показывает – может напасть. Сани уезжают, а я всё вижу эти зубы и этот звериный взгляд...

Человек. Ну что вы, Жорж, хотите от черномазого?

Жорж. Как вы князь... там, право, крови этой почти ничего.

Человек. М-м, искра тоже – «почти ничего». А что иной раз получается – сами знаете.

Ваня. Вы, Жорж, зеваете. Правда, прилягте, раз плохо спалось.

Жорж. Пожалуй что, да не на долго. (Уходит).

Человек. Проходит и садится к Ване за столик. (В сторону двери, за которой скрылся Жорж). Что, есть проблемы?

Ваня. (Посмотрев туда, наклоняется слегка к Человеку). Тут сложный случай. Вы поняли, кто он?

Человек. Догадался уже – Жорж Дантес.

Ваня. Не только. Раздвоение личности. Полярное. Осторожнее надо быть, потому что второй...

Человек. Что?! Пушкин?! (Встает... снова садится). Этому непременно надлежало когда-то произойти.

Ваня. Почему непременно?

Человек. По двум причинам. Во-первых, создатель наш

зачем-то решил, что лучше не ограничивать мир и предоставить ему все возможности. То есть – всё имеет право случиться... Ты морщишься?

Ваня. Да как-то это... не чересчур?

Человек. По моему мнению – тоже. А поскольку всему предоставлено право присутствия, выскажу мысль, что нельзя исключать Его (показывает пальцем вверх) недоработку. Она ведь тоже имеет право на существование.

Ваня задумывается.

Человек. Нелогично разве? Э, ты опять недоволен?

Ваня. Выходит тогда, недоработка...

Человек. Ну, правильно-правильно, продолжай.

Ваня. (Смутившись). Нет, вы поняли, вы лучше скажите.

Человек. Выходит, что недоработки не может не быть, и рано или поздно она обнаружится.

Ваня. Здорово! Нет, я в том смысле, что вы здорово объяснили, мысль тут очень глубокая.

Человек. (Пренебрежительно). Ну, не из самых глубоких.

Человек вытягивает ноги, закидывает голову...

В Петербурге было много красивых женщин, Ваня. Однако красота в привычном для нас виде есть ни что иное как привлекательность. (Смотрит на Ваню, тот не очень уверенно кивает). Привлекательность – субъективное впечатление, поэтому разных мужчин тянет к разным женщинам... а?

Ваня кивает более уверенно.

Но Наталья Гончарова была идеальным произведением. Значит, тем, что не может существовать на земле, потому что материя всегда огрубляет идею. ... «Всегда», «Никогда» – их не бывает. «Всегда» вдруг сбивается с твердой поступи, «Никогда» замечает, что неприступный рубеж оказался с изъяном, видит щелку, куда скользнуть... Однако же я отвлекся – раздумья уводят от главного. Так вот – многие вздрагивали, когда видели Гончарову в первый раз... да и не только в первый. А женщины, тот редкий случай в истории, ей не завидовали.

Ваня. Как это сказать, из-за слишком сильной разницы?

Человек. Именно, в самую точку.

Ваня. А как у нее... ну, было что-нибудь с Жоржем?

Человек. Нет. Она мужу изменить не могла. По религиозным своим убеждениям, во-первых. Да и что бы эта связь ей давала? Она Жоржа любила, а физической связью – да воровскою еще – любовь удовлетворить нельзя. Понимаешь?

Ваня. М-м...

Человек. Любовь – она повыше. Вот и жила так, стиснутая религиозной моралью и горечью от невозможности любить любимого человека.

Ваня. Мне показалось, он человек занимательный.

Человек. Жорж?

Ваня. Да. Сказал: надо превзойти себя, чтобы стать самим собой. Похоже, вроде, как тренеры у нас говорили – преодолеть себя?

Человек. Нет, Ваня, похоже, но вовсе не то.

*В лунном сиянье снег серебрится,
Вдоль по дороге троечка мчится.*

Его выслали, он писал приемному отцу Геккерену как ехал в открытых санях, держал под шинелью простреленную болевшую руку и смотрел на бедное звездами ночное небо России. И что под ним, наверно, вообще не положено быть человеческому счастью.

*День-день-день, день-день-день —
Колокольчик звенит,
Этот звук, этот звон
О любви говорит.*

И хотя та любовь покинула его душу, он не пустит на ее место горькое чувство.

*С молодой женой
Мой соперник стоит.*

Будет напрягать силы, чтобы стать другим человеком, который уже никогда не позволит сделать себя игрушкой обстоятельств.

*В лунном сиянье снег серебрится,
Вдоль по дороге троечка мчится.*

Ваня. И удалось?

Человек. А?

Ваня. Ему превзойти себя?

Человек. Да-а! Получив в юношестве лишь поверхностное образование, и почти не добавив к нему ничего на придворной военной службе, однако стал не только французским сенатором и крупным политиком, а представь – одним из лучших ораторов Франции. Одолеl в политическом споре самого Виктора Гюго.

Ваня. (Присвистнув). Не сла-бо! А Гюго тоже в политику лез?

Человек. Все образованные французы в нее лезли, и даже не очень образованные. Крайне подвижная нация, Ваня, в отличие от... ну, знаешь кого.

Ваня. А про недоработку вы говорили (показывает кивком вверх), к этому она какое отношение имеет?

Человек. Очень имеет. Выхода из положения не было. У всех троих.

Ваня. Получается, кто-то один из них...

Человек. Угу. (Показывает пальцами открытой руки вверх). Ну, чего, вот, хотел? А скажут – «не этого», дескать: «вот они сами».

Ваня. Странно получается, тут один священник выступал... (Появляется Иуда). Что-то вы мало поспали. Чаю хотите?

Иуда. Крепкого немножко бы выпил. Я перебил разговор, вы продолжайте.

Ваня. (Налаживая чай). Священник один по телевизору... что Бог знает вперед всю жизнь каждого человека.

Человек и Иуда оба вздрагивают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.